

КОЛОНИЗАЦІЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

По времени колонизации нынѣшнюю Кубанскую область можно раздѣлить на четыре района. Колонизация началась съ сѣверныхъ частей области и распространялась потомъ на югъ. Предварительно были заняты двѣ мѣстности, изъ которыхъ, какъ изъ исходныхъ пунктовъ, продолжалось затѣмъ дальнѣйшее заселеніе края. Такими основными районами оказываются Черноморія и Старая Линія, занятая козаками почти одновременно, въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, и обнимающіе собою въ настоящую пору всю сѣверную, равнинную часть нынѣшней кубанской области, по правую сторону р. Кубани, начиная отъ ея верховьевъ и оканчивая устьями. Позже, спустя почти полъ-вѣка, именно въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, была заселена Новая Линія, занявшая большую часть мѣстности между Кубанью и Лабою, до слиянія этихъ рѣкъ. Наконецъ, еще черезъ двадцать лѣтъ, въ началѣ шестидесятихъ годовъ, была колонизована остальная часть кубанской области—Закубанскій край. Этотъ послѣдній районъ занялъ собою длинное пространство закубанскихъ предгорій и ущелій отъ алборусскихъ отроговъ и до береговъ Чернаго моря.

Важнѣйшую въ колонизаціонномъ отношеніи мѣстность представляетъ Черноморія. Черноморія—прамая наслѣдница Запорожья. Въ составъ ея первоначальныхъ поселенцевъ вошли частію запорожцы, а частію лица имѣвшія тѣ или другія отношенія къ Запорожской Сѣчи. Вообще же этими поселенцами были малороссы.

Какъ извѣстно, въ 1775 году была разрушена, по приказанію Екатерины II, послѣдняя Запорожская Сѣчь великорусскими войсками подъ командою генерала Текелія. Двѣнадцать лѣтъ спустя, изъ разсѣянныхъ запорожцевъ снова было образовано козацье войско.

получившее сначала названіе: „Войско вѣрныхъ козаковъ“ въ отличіе отъ войска тѣхъ запорожцевъ, которые, не захотѣвъ мириться съ великорусскими порядками и нововведеніями, бѣжали въ Турцію. Впослѣдствіи къ названію „вѣрныхъ козаковъ“ было прибавлено названіе „Черноморскіе“, данное козакамъ въ память тѣхъ подвиговъ, которыми они ознаменовали себя на Черномъ морѣ въ бывшую въ то время русско-турецкую войну. И вотъ эти то черноморскіе козаки и были поселены въ 1792 году въ Черноморіи, т. е. въ западной половинѣ прикубанской полосы нынѣшней кубанской области.

Обнявъ пространство около 30,000 кв. в., Черноморія была населена первоначально 25 тысячами душъ обоего пола. Стало быть, на каждаго переселенца приходилось болѣе, чѣмъ по квадратной верстѣ пространства. То обстоятельство, что первоначальное населеніе Черноморіи состояло частію изъ чистыхъ запорожцевъ, а частію изъ малорусской вольницы и вообще людей, искавшихъ свободной жизни и самостоятельнаго хозяйства, само по себѣ указываетъ и на характеръ тогдашнихъ поселеній. Это были поселенія чисто козачьи, до извѣстной степени военныя, но приспособленныя къ гражданскимъ и экономическимъ цѣлямъ въ духѣ малорусскихъ порядковъ и обычаевъ.

Въ самомъ дѣлѣ черноморцы при устройствѣ своихъ первыхъ поселеній придерживались того, что выработала въ этомъ отношеніи раньше Запорожская Сѣчь; но такъ какъ въ жизнь ихъ вошелъ новый элементъ, долженствовавшій произвести существенную перемѣну въ ней, то, сообразно съ этимъ, и поселенія приняли особый, отличный отъ прежнихъ характеръ. Послѣдняя Запорожская Сѣчь, какъ извѣстно, состояла изъ бездомнаго, безсемейнаго „товариства“, а принадлежащія ей земли были раздѣлены на „паланки“, населенныя преимущественно семейнымъ казачествомъ или „подданствомъ“. Въ Черноморіи, съ самаго начала ея существованія, не было ни господствовавшаго товариства, ни зависимаго подданства, а было лишь однообразное, если не считать конечно чиновной старшины, семейное казачество, въ составъ котораго входили и безсемейные козаки, „сирома“, какъ часть отличнаго по своему личному составу отъ запорожской общины цѣлага. Поэтому, и самое заселеніе края было произведено уже иначе: подъ оболочкой старыхъ формъ воз-

ники совершенно другіє порядки и пріємы для заселенія края, какіє ужь были разь примѣнены отчасти черноморцами за Бугомъ. Екатеринодарь, основанный 1793 г., былъ сдѣланъ крупнымъ центральнымъ пунктомъ въ ряду другихъ козачьихъ поселеній и получилъ названіе города. Здѣсь сосредоточивалось главное войсковое начальство; здѣсь же, въ крѣпости, какъ и въ Запорожскомъ Кошѣ, были выстроены курени, казармы, гдѣ жила бездомная холостая сирота и служилые козаки. Затѣмъ остальное козачество было разселено по всей остальной территоріи Черноморскаго войска. Съ этою цѣлью весною 1794 г. кошевой атаманъ Чепѣга и выбранные отъ войска депутаты опредѣлили предварительно мѣста для крупныхъ поселеній. Врошенный затѣмъ, по обычаю стараго сѣчеваго козачества, жребій указалъ, гдѣ и какому куреню предстояло поселиться.

Такъ было первоначально основано 40 отдѣльныхъ „куренныхъ селеній“, получившихъ тѣже самыя названія, подъ которыми были известны 38 куреней въ Запорожской Сѣчи. Два поселенія, кромѣ того, были основаны и названы: одно Екатериновскимъ, въ честь Екатерины II, а другое Березанскимъ, по имени крѣпости Березани, взятой черноморцами у турокъ въ предшествовавшую предъ тѣмъ русско-турецкую войну. Самое названіе: „куренное селеніе“, очевидно, указывало какъ на преемственность новыхъ поселочныхъ формъ Черноморіи отъ формъ старыхъ—„куреней“, такъ и на отличительную особенность этихъ новыхъ формъ—„селеній“, привлеченныхъ къ семейному общежитію. Но въ разговорномъ языкѣ долго потомъ употреблялось слово „курень“ безъ всякихъ эпитетовъ. Въ настоящее время черноморцы называютъ свои крупныя поселенія станицами и избѣда слободами, названіе же курень совсѣмъ вышло изъ употребленія.

Одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренными селеніями, возникли въ ней и другого рода поселочныя формы, формы мелкія, яченныя. Это были хутора, зимовники и коши, изъ которыхъ нѣкоторые появились даже раньше основанія куреней. Будучи въ колонизаціонномъ отношеніи формами второстепенными, зависимыми и тяготѣвшими къ куренямъ, какъ части къ цѣлому,—хуторскія обзаведенія были, такъ сказать, занесены поселенцами вмѣстѣ съ ихъ хозяйствомъ. Главную статью этого послѣдняго у

поселенцевъ составлялъ скоть, а скотоводческое хозяйство того времени неразрывно было связано съ хуторомъ и его первообразомъ—зимовникомъ или кошомъ.

И такъ, двѣ собственно поселочныя формы—курень и хуторъ легли въ основу колонизаціи бывшей Черноморіи. Курень былъ поселеніемъ административнымъ и хозяйственнымъ вмѣстѣ, хуторъ по преимуществу хозяйственнымъ. Необходимость существованія перваго вызывалась коллективными требованіями козачества, необходимость существованія втораго вытекала изъ хозяйственныхъ потребностей отдѣльныхъ лицъ, какъ самостоятельныхъ предпринимателей.

Такъ какъ во время заселенія Черноморія представляла собою край дикій и незаселенный даже инородцами, а рядомъ съ нею лежали земли черкесовъ, народа хищнаго и воинственнаго; то козачеству предстояло разомъ и организовать экономическую жизнь и защищать новую свою родину отъ настроенныхъ враждебно къ нимъ, какъ пришельцамъ, иноплеменныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ колонизаціи, за экономическими нуждами черноморцевъ, очень настоятельно должны были выступить наружу требованія военныя. Само правительство, населяя Черноморію, искало въ ея поселенцахъ того живаго оплота противъ вѣрныхъ враговъ государства, какимъ издавна считалось козачество. Этою-то двойственною роллю козачества, какъ военного сословія, поставленнаго въ военную обстановку, и какъ населенія пограничнаго, обуславливалась необходимость еще третьяго рода поселочныхъ формъ, начало которымъ уже было здѣсь положено русскимъ правительствомъ въ видѣ военныхъ укрѣпленій. Такими исключительно военными поселочными формами были у Черноморцевъ—кордоны или посты, т. е. небольшія козачьи крѣпости и пикеты („бикеты“), т. е. еще менѣ значительные сторожевые пункты.

Для исторіи колонизаціи Черноморіи существенно важны, конечно, только перваго рода формы козачьихъ поселеній—курени и хутора. Кордоны и пикеты, разъ возникнувъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, такъ и остались потомъ, претерпѣвая временами незначительныя измѣненія, военными укрѣпленіями, исчезнувшими безвозвратно вмѣстѣ съ исчезновеніемъ исключительныхъ военныхъ условій. Развитіе гражданской и экономической жизни козачества

шло рука об руку съ историческимъ ростомъ куреня и хутора. Здѣсь, въ предѣлахъ територіальныхъ границъ, тяготѣвшихъ къ этимъ формамъ, и шло собственно заселеніе Черноморіи въ теченіи послѣдующихъ затѣмъ десятилѣтій. Сюда былъ направленъ притокъ колонизаціонныхъ элементовъ извнѣ и тутъ же совершалось постоянная замѣна, возникновеніе и видоизмѣненіе колонизаціонныхъ формъ путемъ внутренняго самостоятельнаго развитія.

Строго говоря, на ходъ колонизаціи Черноморіи имѣли вліяніе различныя обстоятельства, но въ общемъ всѣ эти вліянія носили двойственный характеръ: въ однихъ случаяхъ возникновеніе поселочныхъ формъ вызывалось мѣстными причинами, требованіями самой жизни, въ другихъ—дѣятельную роль играли въ этомъ отношеніи правительственныя мѣропріятія.

Населяя новый, малоизвѣстный до того край, черноморцы не могли, понятно, сразу же ознакомиться съ его естественными особенностями. Поэтому, частію вслѣдствіе незнанія этихъ особенностей, а частію по винѣ администраціи, на первыхъ же шагахъ колонизаціи явилась надобность въ нѣкоторыхъ передвиженіяхъ и перераспредѣленіи поселенцевъ. Уже въ концѣ 1799 г. наказный атаманъ Котляревскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ о Черноморскомъ войскѣ прямо указываетъ на то, что однихъ поселенцевъ прежнее начальство селило „противъ ихъ желанія на невыгодныхъ для жительства мѣстахъ“. Впослѣдствіи стѣсненія въ этомъ родѣ, благодаря вольному пользованію войсковыми землями и угодьями, должны были выступить наружу въ жизни козака еще рѣзче. И козачество, по понятнымъ причинамъ, старалось обйти и парализовать такія стѣсненія. Съ этою цѣлію имъ переносились съ мѣста на мѣсто хутора и даже передвигались цѣлые курени¹⁾, какъ это случилось съ Ивановскимъ куренемъ.

Съ первыхъ же шаговъ заселенія Черноморіи начался и постоянный притокъ сюда бѣглыхъ элементовъ, притокъ, долго непрекращавшійся впослѣдствіи²⁾. Въ грамотахъ Екатерины II и Александра I, въ перепискѣ войсковой администраціи съ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ, а потомъ губерніей, въ постанов-

¹⁾ Короленко, «Черноморцы», стр. 62.

²⁾ См. статью «Бѣгле въ Черноморіи», въ 5 кн. «Кіевск. Стар.» 1883 г.

леніяхъ и распоряженіяхъ самага войска находится не мало указаній на этотъ счетъ. Съ одной стороны, войску предъявлялись требованія разнаго рода начальствъ о выдачѣ бѣглыхъ и объ установленіи мѣръ для „пресѣченія зла“, а съ другой козачество, заинтересованное въ увеличеніи своего народонаселенія видимо отдѣлялось одними формальными распоряженіями и отписками. И это вполне понятно. Черноморія нуждалась въ пришлыхъ рабочихъ рукахъ, кому бы тамъ не принадлежали эти руки. Такъ какъ ея коренное населеніе было постоянно отвлекаемо отъ хозяйства военною службою, то понятно, что всякій пришелець былъ здѣсь желаннымъ гостемъ, а безпаспортный, бѣглець, бродяга, съ которымъ можно было при случаѣ не церемониться, тѣмъ болѣе. Такимъ образомъ, увеличивая этимъ путемъ народонаселеніе, Черноморское войско естественно должно было расширять свою экономическую жизнь, создавая новыя поселочныя формы и развивая старыя.

Но главную массу переселенческаго люда давало Черноморіи все таки само правительство. Удовлетворяя естественныя требованія войска въ этомъ отношеніи, оно въ три пріема—въ 1808, 1820 и 1848 годахъ, распорядилось о переселеніи въ Черноморію болѣе 100,000 душъ обоаго пола изъ малороссійскихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ распоряженій, въ 1809—1811 перешло на поселеніе изъ Полтавской и Черниговской губерній 22,206 душъ мужскаго и 19,328 душъ женскаго пола, съ 1820—1825 г. вновь прибыло изъ тѣхъ-же губерній 25,627 душъ мужскаго и 22,755 душъ женскаго пола, наконецъ, въ пятилѣтіе 1845—1850 года изъ тѣхъ-же губерній, а также изъ другихъ мѣстъ Малороссіи и губерній харьковской въ послѣдній разъ было переселено до 8,500 душъ мужскаго и до 7,000 душъ женскаго пола¹⁾. Кроме того, въ 1808 г. правительство разрѣшило поселиться въ Черноморіи 500 душъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи²⁾. Стало быть, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, первоначальное населеніе Черноморіи, состоявшее

¹⁾ Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45. Бентковскій, «Заселеніе Черноморіи», стр. 69 и 104.

²⁾ Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45.

изъ 25,000 душъ обоюго пола, благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ, было увеличено въ пять разъ.

Само собою разумѣется, что такой сильный притокъ переселенцевъ въ Черноморію извнѣ долженъ былъ отразиться весьма замѣчательнымъ образомъ и на ея поселочныхъ формахъ. Одни изъ этихъ формъ должны были выдѣлится изъ себя выселки, вслѣдствіе внутренняго своего роста и переполненія пришлымъ людомъ, другіе—возникнуть вновь, вмѣстѣ съ водвореніемъ новыхъ переселенцевъ, подъ давленіемъ внѣшней необходимости. Такимъ образомъ, въ 1811 г., т. е. чрезъ 19 лѣтъ послѣ заселенія края, вмѣсто 40 куреней, было ихъ 43, въ 1821 г. считалось 47 крупныхъ поселеній, въ 1825 году—два города, 59 станицъ, 5 поселковъ и въ 1850 г.—3 города, 61 станица и 2 поселка¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно росло и количество хуторовъ. Такъ, до 1809 г. ихъ было 66, въ 1821 г.—1766, въ 1825—2262 и въ 1850 г.—2548²⁾. А въ общей сложности къ концу шестидесятихъ годовъ³⁾, по словамъ Ивана Даниловича Попка, въ Черноморіи было „3 города, одна нѣмецкая колонія, 63 куреня или станицы (въ томъ числѣ 2 при городахъ Екатеринодарѣ и Тамани), 5 поселковъ и до 3000 хуторовъ“, съ населеніемъ въ 185,220 душъ обоюго пола⁴⁾.

Нѣсколько иначе производилась колонизація Старой Линіи.

Старая Линія, какъ показывается и самое ея названіе, служила первоначально чисто военною демаркаціонною линіею между русскими владѣніями и землями кавказскихъ горцевъ. Поэтому, и первыя поселенія линейцевъ нѣсколько отличались отъ поселеній черноморцевъ. Между тѣмъ какъ въ Черноморіи только весьма незначительная часть куреней примыкала къ военной границѣ, именно три куреня находились при Кубани и три въ недалекомъ отъ нея разстояніи, а большинство ихъ было размѣщено внутри края,—на Старой Линіи всѣ станицы возникли на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій и редутовъ, вдоль Кубани и въ ближайшихъ къ ней стратегическимъ пунктахъ. Такимъ образомъ, линейныя станицы были бо-

1) Невзданные матеріалы изъ войсковаго архива, Ев. Д. Фелицына.

2) Ibid.

3) Книга г. Попка, издана въ 1858 г.

4) Попка «Черн. казаки», стр. 49 и 50.

лѣе военными и болѣе приспособленными къ постоянной защитѣ отъ кавказскихъ горцевъ поселеніями, чѣмъ черноморскіе курени.

Заселеніе Старой Линіи станицами началось одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренями въ 1794 г. Въ этомъ году было основано по мысли графа Гудовича, подъ руководствомъ генерала Фере, шесть станицъ, населенныхъ возмущившимися донскими козаками. Двѣ изъ нихъ были поселены при кавказской и усть-лабинской крѣпостяхъ, двѣ при Григориополисскомъ и Прочноокопскомъ укрѣпленіяхъ, одна при Темнолѣскомъ ретраншементѣ и одна при Воронсколѣскомъ редутѣ¹⁾, при чемъ каждая изъ станицъ получила имя того укрѣпленія, при которомъ она была поселена. Девять лѣтъ спустя, въ 1803 г., по ходатайству генерала Кнорринга, было основано и населено выходцами изъ Слободской Украйны четыре станицы—Телишбекская, Казанская, Ладожская и Тифлисская при редутахъ того-же имени; затѣмъ въ слѣдующемъ 1804 г. населена тѣми-же выходцами еще одна станица—Воронежская. Всѣ эти станицы въ свою очередь получили одно общее названіе кавказскаго полка²⁾. Въ послѣдствіи, преимущественно въ 1825 г., было основано еще 8 станицъ въ районѣ между Баталпашинскомъ и Прочноокопской станицей. Наконецъ для усиленія линейнаго козачества, по распоряженію правительства, въ два приема было обращено 17 крестьянскихъ селеній въ казачьи станицы, именно: 13 въ 1833 г. и 4 въ 1848 г., и присоединены къ бывшему кавказскому линейному войску, въ составъ котораго входила тогда и Старая Линія.

И такъ, слѣдовательно, къ концу сороковыхъ годовъ въ составѣ нынѣшней Старой Линіи числилось всего 36 станицъ.

Что касается затѣмъ другихъ поселочныхъ формъ—хуторовъ, то возникновеніе и распространеніе ихъ шло, надо полагать, какъ и въ Черноморіи, параллельно съ колонизаціей края. Такъ, по словамъ Дебу, станица Телишбекская завела свои хутора на сѣверъ

¹⁾ Бутковъ, «Матеріалы для новой исторіи Кавказа», т. 11-й, стр. 245, Дебу, «О кавказской линіи и черноморскомъ войскѣ», стр. 68.

²⁾ Бутковъ, «Матеріалы» и пр., т. 11-й, стр. 256 и 257. Дебу, «О кавказ. линіи» и пр., стр. 70. Въ 1812 г. Телишбекская станица была перечислена въ кубанскій полкъ, а усть-лабинская въ кавказскій.

отъ Кубани по р. Рапешаткѣ¹⁾; казаки кавказскаго полка имѣли также на сѣверъ отъ Кубани на разстояніи 20 и 40 верстъ хутора при болотныхъ рѣчкахъ²⁾). Но то обстоятельство, что, съ одной стороны, лежавшія ближе къ Кубани станицы находились въ крайне невыгодныхъ военныхъ условіяхъ, а съ другой болѣе удаленныя отъ этой рѣки, бывшія раньше крестьянскими поселеніями, занимались издавна больше земледѣіемъ, чѣмъ скотоводствомъ, позволяетъ заключить, что на Старой Линіи хутора не были такими многочисленными и повсемѣстно разбросанными формами, какъ въ Черноморіи. Это-же отчасти подтверждается по аналогіи и современнымъ состояніемъ поселочныхъ формъ на Черноморіи и Старой Линіи, изъ которыхъ въ первой хутора и теперь составляютъ подавляющее количество, сравнительно со второй.

Наконецъ, со стороны своего этническаго состава Старая Линія также представляетъ нѣкоторыя особенности. Какъ и въ Черноморіи, основнымъ элементомъ въ ней явилось козачество; какъ и въ Черноморіи, притокъ бѣглецовъ въ ней былъ довольно обычнымъ, хотя и не въ такой мѣрѣ интенсивнымъ явленіемъ. Къ 1829 году состоялось даже Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи бродягъ, зашедшихъ въ кавказскую область, въ работники поселеннымъ на кавказской линіи козакамъ.³⁾ Мѣра общая по тому времени для всей кавказской области и имѣвшая въ частности ближайшее отношеніе къ населенію Старой Линіи. Но между тѣмъ какъ въ Черноморіи колонизирующимъ элементомъ всегда были малороссы, на Старой Линіи перевѣсъ былъ за великороссами. Въ Черноморіи населеніе представляло въ этомъ отношеніи однообразную компактную группу, на Старой Линіи въ составъ войска вошли довольно разнообразныя элементы, связующимъ звеномъ для которыхъ послужилъ великороссъ. Тутъ были и донцы, и хоперцы, и козаки бывшаго екатеринославскаго войска, и отставные солдаты, и великорусскіе, и малорусскіе крестьяне. Тѣмъ не менѣ экономическая жизнь, вылившись въ козацкія формы, получила яркую

¹⁾ Дебу, «О кавказской линіи», стр. 69.

²⁾ Тамъ-же, стр. 76.

³⁾ Бентковский, «Заселеніе быв. кав. линейнаго войска», стр. 28.

великорусську окраску, съ сильнимъ общиннимъ духомъ, большими семьями и преобладающимъ значеніемъ земледѣлія.

Заселеніе затѣмъ Новой Линіи началось съ 1841 года. Проектъ объ этомъ, возникнувшій по мысли генерала Засса и разработанный потомъ генераломъ Вельяминовымъ и барономъ Розепомъ¹⁾, былъ утвержденъ правительствомъ еще въ 1839 г. Первоначально предполагалось основать всего только 14 станицъ; но обстоятельства потомъ раздвинули значительно шире предположеннаго колонизацію Новой Линіи. Заселеніе края шло постепенно въ теченіи двадцати лѣтъ, пополняясь черезъ извѣстные промежутки все новыми и новыми станицами. Такимъ образомъ, въ 1841 г. было основано 4 станицы: Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская, послужившія какъ-бы главными операціонными точками, отъ которыхъ пошло дальнѣйшее заселеніе края по разнымъ направленіямъ. Въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ восьми лѣтъ, съ 1841 по 1849 г., было основано еще 7 станицъ, съ 1852 по 1860 г.—13 станицъ и наконецъ въ этомъ послѣднемъ году двѣ станицы. Итого, слѣдовательно, въ теченіи двадцати лѣтъ было основано на Новой Линіи 32 станицы.

Главнымъ и почти единственнымъ колонизирующимъ элементомъ въ этомъ случаѣ послужили козаки старыхъ станицъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, т. е. нынѣшней Старой Линіи, а также нѣкоторыхъ станицъ теперешняго терскаго войска и сель ставропольской губерніи. Только въ 1849 г. было поселено здѣсь 250 семействъ изъ числа малороссійскихъ переселенцевъ, назначенныхъ на поселеніе въ владикавказскомъ полку нынѣшняго терскаго войска, да въ разное потомъ время нѣсколько десятковъ семействъ съ Дона и изъ другихъ внутреннихъ губерній. Наконецъ сюда-же нужно отнести нѣкоторое количество бѣглыхъ и безпаспортныхъ, которыми тогда былъ богатъ весь сѣверный Кавказъ. Такимъ образомъ въ общемъ результатѣ колонизація Новой Линіи была почти исключительнымъ дѣломъ старолинейныхъ казаковъ. Приглашенные военнымъ начальствомъ сначала въ качествѣ охотниковъ заселить лабинскій край, они отнеслись довольно индефферентно къ этому приглашенію. Тогда начальство принудило ихъ выслать переселен-

¹⁾ Бентковский, «Заселеніе быв. кавк. линейнаго войска», стр. 21.

цевъ по жребію, и станичныя общества въ этомъ затруднительномъ случаѣ придумали нанимать изъ среды себя охотниковъ, съ платою отъ 200 до 400 р. на семью. Мѣра эта и дала главный контингентъ переселенцевъ для заселенія неспокойнаго лабинскаго края¹⁾.

Отличительная черта колонизаціи Новой Лініи заключается въ полнѣйшемъ приспособленіи поселочныхъ формъ исключительно къ военнымъ цѣлямъ. Вновь поселенныя станицы были выдвинуты въ самую территорію горскихъ племенъ. Въ дѣлѣ военной колонизаціи Новая Лінія пошла поэтому дальше Старой. Военное начальство тутъ не только назначило мѣста для поселеній, но, благодаря безпрерывнымъ столкновеніямъ съ горскими племенами, принуждено было до мельчайшихъ подробностей регламентировать даже экономическую жизнь. Оно издавало приказанія, какъ ставить плетни и приспособлять терновникъ, „чтобы непріятель не могъ ни повалить плетня, ни перелѣзть черезъ верхъ²⁾“. Оно-же совѣтовало, какъ обращаться съ огнемъ, спрашивало о количествѣ сѣна и давало наставленіе, какъ косить его, складывать въ стога и т. п., „чтобы оградить отъ нападенія хищниковъ“, „отъ ихъ зажигательства“.

Понятно, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ, когда козакъ и пахаль, и косиль, и убиралъ хлѣбъ, и возилъ дрова или лѣсъ, по командѣ и подъ прикрытіемъ военной силы, станица на Новой Лінії являлась единственною поселочною формою. Хуторъ не могъ тутъ существовать, или въ крайнемъ случаѣ могъ быть лишь исключеніемъ. Только съ 1864 г., т. е. со времени покоренія Западнаго Кавказа, на Новой Лінії начинаютъ особенно быстро и широко распространяться хуторскія формы.

Последній актъ заселенія Кубанской области является самою крупною мѣрою по отношенію къ насажденію вынужденной, правительственной колонизаціи въ этомъ краѣ. Въ короткое время, среди самыхъ неблагоприятныхъ военныхъ условій, предгорья Кубанской области были покрыты цѣлою сѣтью возачьихъ станицъ на значительномъ пространствѣ и въ небываломъ до того количествѣ. Въ сущности колонизація этой мѣстности была громаднѣйшимъ

¹⁾ Бентковский, «Заселеніе быв. кавк. линейнаго войска, стр. 21—42

²⁾ Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской.

заключительнымъ сраженіемъ, которымъ окончилась семидесятилѣтняя борьба кубанскихъ козаковъ съ кавказскими горцами. Горцы проиграли это сраженіе, но и козакамъ оно не легко досталось. Одни изъ нихъ должны были бросить насиженные, обогрѣтыя и обезпеченныя мѣста своихъ отцовъ и предковъ, чтобы идти въ чужой край и насадить здѣсь новую жизнь подъ давленіемъ непривычныхъ естественныхъ условій и непреоборныхъ трудностей, другимъ суждено полечь костью прежде, чѣмъ они успѣли не только начать насажденіе этой новой жизни, но и даже стать сколько нибудь прочною ногою на тѣхъ мѣстахъ, которыя вынужденъ былъ уступить имъ сложившій наконецъ оружіе горець.

Опираясь на опытъ прошедшаго, имѣвшій мѣсто на Новой Линіи, съ одной стороны, и на военныя требованія, съ другой, руководившіе колонизаціей Закубанья заняли и основали въ теченіи 14 лѣтъ, подъ прикрытіемъ военной силы, въ связи съ дѣйствіями солдатскихъ и козачьихъ колоннъ и отрядовъ, 83 пункта для крупныхъ населеній. Колонизація началась съ восточной стороны кубанскихъ предгорій и, попавъ въ крайне неумѣлыя руки главнаго распорядителя графа Евдокимова, на первыхъ-же порахъ встрѣтила серьезныя препятствія со стороны того населенія, которымъ предположено было колонизовать Закубанскій край. Съ чисто военною поспѣшностью, игнорируя хозяйственныя соображенія и расчеты, графъ Евдокимовъ предположилъ первоначально переселить за Кубань шесть станицъ изъ 5-й и 6-й бригадъ кубанскаго козачьяго войска и двѣ изъ Черноморіи. По этому проекту, шесть первыхъ станицъ должны были сразу переселить изъ 1653 семействъ своего населенія 1397 семействъ, т. е. почти 90%, оставивъ временно на мѣстѣ 256 семействъ, а двумъ черноморскимъ станицамъ предстояло дать 770 семействъ. На новомъ мѣстожителствѣ, среди враждебныхъ народностей, эти поселенцы должны были образовать цѣлыхъ 17 станицъ въ неудобныхъ мѣстахъ и при непривычныхъ естественныхъ условіяхъ. И все это имѣлось въ виду совершить въ теченіи года! Понятно, что такая невѣроятная ломка могла въ конецъ разорить козаковъ, скопившихъ трудомъ и потомъ не большія хозяйственныя обзаведенія на старомъ мѣстожителствѣ. Застигнутые врасплохъ казаки, по обычаю русскаго народа, вошли съ прошеніями и ходатайствами по начальству. Графъ Евдокимовъ настаивалъ

на приведеніи въ исполненіе проектированныхъ имъ мѣръ. Дѣло обострилось и едва не разрѣшилось кровавою развязкою. Въ концѣ концовъ графу Евдокимову пришлось самому-же исправлять собственную свою ошибку. Неудачная попытка колонизаціи закубанскаго края цѣлыми станицами была замѣнена системою вызова охотниковъ, съ опредѣленнымъ денежнымъ вспоможеніемъ, и порядкомъ назначенія станичными обществами извѣстнаго количества своихъ членовъ по жребію ¹⁾.

Какъ и слѣдовало ожидать, новыя мѣры дали и новые результаты. Въ 1861-же году было поселено въ два приѣма 1736 семействъ въ 11 станицахъ, расположенныхъ въ верховьяхъ Кубани и ея главнѣйшихъ притоковъ по направленію къ г. Майкопу. Въ слѣдующемъ 1862 г. колонизація приняла еще болѣе широкіе размѣры: въ этомъ году было основано уже 28 станицъ въ разныхъ мѣстахъ закубанскаго края и въ нихъ водворено 4387 семействъ переселенцевъ. Въ этомъ-же году было утверждено положеніе о заселеніи предгорій западной части сѣвернаго Кавказа. Такъ какъ положеніемъ этимъ предоставлялось козакамъ-поселенцамъ, кромѣ извѣстнаго денежнаго пособія и надѣла общинными землями, полученіе земель въ частную собственность; то мѣра эта привлекла не мало охотниковъ, желавшихъ поселиться въ закубанскомъ краѣ, какъ изъ среды кубанскаго войска, такъ и изъ войска донскаго, азовскаго, оренбургскаго, уральскаго и терскаго. Такимъ образомъ въ 1863 г. вновь было основано 20 станицъ, съ населеніемъ въ 3541 семействъ, и наконецъ въ 1864 г. 17 станицъ и 7 поселковъ, съ населеніемъ въ 4417 семействъ ²⁾. Въ теченіе-же всего четырехъ лѣтняго періода было основано, слѣдовательно, 83 крупныхъ козацкихъ поселеній и въ нихъ поселено 14,081 семействъ.

Самое расположеніе станицъ находилось, конечно, въ тѣсной связи съ военными соображеніями. Руководившіе колонизаціей смотрѣли на закубанскую станицу прежде всего, какъ на стратегическій пунктъ, какъ на опорную точку при вытѣсненіи горцевъ изъ самыхъ крайнихъ и неприступныхъ уголковъ ихъ мѣстожитва. Поэтому, одни изъ станицъ, какъ Хамкетинская, Бѣлорѣчен-

1) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 7—73.

2) Тамъ-же, стр. 75—78.

ская, Ново-Дмитріевская, Абинская и пр. возникли на мѣстахъ бывшихъ уже здѣсь укрѣпленій; при расположеніи другихъ стратегическимъ соображеніямъ часто отдавалось преимущество предъ выгодами и расчетами экономическими. Точно также и самый составъ переселенцевъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовалъ все тѣмъ-же военнымъ цѣлямъ. Козаки и вообще служило—военные элементы составили подавляющее большинство. Такъ изъ общей массы переселенцевъ 58,9% приходится на долю кубанскихъ козаковъ, 25,3% на долю козаковъ изъ другихъ войскъ и отставныхъ солдатъ и только 15,8% на долю государственныхъ крестьянъ и людей другихъ сословій¹⁾. Однимъ словомъ, и на тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ производилась колонизація закубанскаго края, и на расположеніи станицъ, и на самомъ составѣ переселенцевъ одинаково лежала печать военного Молоха, въ жертву которому искони приносилось козачество, служившее, по выраженію г. Поща, „живую изгородью на рубежахъ отечественной земли“. Экономическіе промахи и недосмотры при такой колонизаціи неизбежны. И дѣйствительно нѣкоторыя станицы, какъ Псеменская, впоследствии были совсѣмъ спесены и разселены, другія и теперь еще испытываютъ серьезныя экономическія стѣсненія, явившіяся слѣдствіемъ военной колонизаціи.

Занятіемъ западныхъ предгорій Кавказа и оканчивается собственно колонизація Кубанской области въ смыслѣ расширенія границъ козачьей территоріи. Большинство сложившихъ оружіе черкесовъ эмигрировало въ Турцію, принявшіе русское подданство были переселены съ предгорій на плоскости, ближе къ Кубани. Козаки такимъ образомъ прочно укрѣпились на всѣхъ пунктахъ когда-то враждебнаго имъ края и козачьи станицы обширнѣйшею сѣтью охватили всю Кубанскую область. Дальнѣйшее затѣмъ заселеніе края было исключительно дѣломъ расселенія, результатомъ внутренней переработки и распредѣленія наличныхъ колонизаціонныхъ элементовъ. Правда, притокъ переселенцевъ въ Кубанскую

¹⁾ Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 76 и 77. Взятая у г. Бентковского цифры для опредѣленія процентныхъ отношеній состава закубанскихъ переселенцевъ значительно разнятся отъ цифръ, приведенныхъ г. Бентковскимъ-же при населеніи станицъ.

область по прежнему продолжался извнѣ, въ нѣкоторые годы онъ принялъ даже необычайные размѣры, но онъ не носилъ уже прежняго характера. Козачество, какъ войско, закрыло доступъ въ свою среду переселенцамъ. Оно само раздробилось на массу отдѣльныхъ станичныхъ общинъ и станичная община уже самостоятельно начала абсорбировать пришлые и чуждые ей элементы, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда она находила это нужнымъ.

На первыхъ порахъ этой внутренней колонизаціи слѣды общихъ административныхъ мѣропріятій еще даютъ себя чувствовать козаку, нѣкоторыя станицы еще возникаютъ по предназначенію и указаніямъ войсковаго начальства. Такъ, въ 1865 и 1866 г. были основаны Славянская, Георгіе - Афинская, Мингрельская, Троицкая, Анастасіевская и Курченская станицы, въ 1871 г. Копанская и Ясенская. Мѣста для этихъ станицъ были избраны и назначены администраціей, а населеніе взято изъ существовавшихъ уже козачьихъ поселеній, въ которыхъ оно особенно сильно возросло. Съ теченіемъ времени даже эта черта принудительнаго расселенія теряется въ козачьихъ общинахъ. Возникновеніе новыхъ поселеній и признаніе самостоятельности за возникшими уже въ формѣ хуторовъ становятся дѣломъ инициативы и усмотрѣнія станичныхъ общинъ. Администрація только даетъ въ такихъ случаяхъ свою санкцію. Такимъ образомъ возникло нѣсколько поселковъ на дополнительныхъ станичныхъ участкахъ и на мѣстахъ занятыхъ группами хуторовъ, какъ Албашскій, Ахтарскій, Широцанскій, Черноерковскій, Кармалинскій и многіе другіе. Но въ это-же время въ Кубанскую область начинается особенно сильный притокъ другого рода переселенцевъ, такъ называемыхъ иногороднихъ или, по выраженію черноморцевъ, „городовиковъ“, т. е. крестьянъ арендаторовъ и ремесленниковъ, выселившихся въ Кубанскую область изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Примѣры колонизаціи Кубанской области, помимо козачьихъ, другими элементами имѣли мѣсто еще до покоренія Западнаго Кавказа, но это были лишь единичныя и малозначущія попытки. Такъ въ 1834 г. возникло селеніе Армавиръ, населенное горскими армянами, и основаны въ Черноморіи двѣ нѣмецкія колоніи Михельсталь и Александровская. Одновременно съ занятіемъ кубанскихъ предгорій и непосредственно затѣмъ эти единичныя попытки на-

чинають приймати болѣ общій характеръ. Греки, нѣмцы, молдоване, болгары и русскіе крестьяне образовали въ это время въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько крупныхъ поселеній. Такимъ образомъ возникли селенія Витязевское, Греческое, Мерчанское, Молдованское и Русское въ темрюкскомъ уѣздѣ, колоніи Александрфельдская, Резенфельдская и Эйнфельдская въ кавказскомъ уѣздѣ, селенія Богословское, Козьминское, Ольгинское и Успенское въ баталнашинскомъ уѣздѣ и др. Тѣмъ не менѣ всѣ эти не козацькіе поселенія дали относительно незначительную цифру переселенцевъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ ихъ, которое приходится на долю „иногороднихъ“ или „городовиковъ“. Этимъ послѣднимъ суждено было внести въ жизнь козачества болѣ сильную економіческую струю, чѣмъ ихъ счастливымъ предшественникамъ, и въ нѣкоторой степени измѣнить даже самый характеръ поселочныхъ формъ Кубанской области.

Особенно сильный притокъ иногороднихъ въ Кубанскую область начинается со времени изданія въ 1868 г. закона, дозволившаго лицамъ не войсковаго сословія пріобрѣтати въ собственность усадьбныя строенія на козацькихъ земляхъ. Получивъ возможность жить осѣдло въ Кубанской области, крестьяне преимущественно южно-русскихъ губерній двинулись цѣлыми тысячами на Кубань, и въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ общее ихъ количество въ области возрасло до 250,000 душъ, что составитъ 25° казеннаго населенія. Вся эта масса взялась главнымъ образомъ за земледѣліе, арендуя войсковыя, общинныя и частныя земли. Размѣстившись болшею частью по станицамъ, изрѣдка въ поселкахъ и хуторахъ, они образовали цѣлыя хуторскія поселенія собственно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Часть переселенцевъ, кромѣ того, была принята станичными обществами въ число своихъ членовъ и въ нѣкоторыхъ станицахъ, каковы глухія станицы Закубанья, продолжаетъ приниматься и по сію пору.

Таковъ въ общихъ чертахъ историческій ходъ колонизаціи въ Кубанской области. Съ самаго начала колонизаціи и до половины шестидесятихъ годовъ, въ продолженіи семидесяти лѣтъ, военныя причины и обстоятельства имѣли чрезвычайно важное вліяніе на распредѣленіе и характеръ поселочныхъ формъ. Только Черноморія представляла въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Въ обычаѣ

вообще козачества селиться крупными селеніями, и этотъ обычай осложнялся потомъ все новыми и новыми требованіями въ каждомъ новомъ случаѣ. Козаки селились скученными поселеніями, „по плану“, кварталами, съ прямыми улицами, даже тамъ, гдѣ, при другихъ обстоятельствахъ, они навѣрное придали-бы селенію болѣе разбросанный видъ. Затѣмъ для хозяйственныхъ нуждъ они прибѣгали къ устройству зимовниковъ, кошей и хуторовъ. 1864 годъ, годъ окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, завершивъ поступательный ходъ козачьей колонизаціи, принесъ съ собою новыя условія для дальнѣйшаго заселенія Кубанской области. Требования въ этомъ отношеніи военной жизни, завоевательныя задачи и интересы борьбы съ черкесами сходятъ со сцены окончательно и безповоротно. Наступаетъ иная, мирная, гражданская жизнь, начинается внутренняя переработка и уравниваніе колонизаціонныхъ элементовъ и формъ; въ то-же время извнѣ, изъ Россіи, годъ съ годомъ усиливается притокъ пришлаго безземельнаго люда. Все это даетъ сильнѣйшій толчокъ развитію экономической жизни козачества: земельная община становится фокусомъ, около котораго концентрируются самыя разнообразныя экономическія теченія, а внутри котораго идетъ дѣятельная борьба старыхъ общинныхъ порядковъ съ новыми.

Ф. Щербина.